

СТИВЕН КИНГ

Глаза дракона

Издательство АСТ
Москва

Давным-давно в королевстве, называемом Делейн, жил король, и было у него два сына. Делейн был очень древним королевством, и там правили сотни королей, а может, и тысячи; самых первых не могли припомнить даже историки. Роланд Добрый был не лучшим и не худшим из тех, кто управлял страной. Он всегда пытался не причинять никому слишком большого зла и преуспел в этом. Еще он пытался вершить великие дела, но в этом, к сожалению, не преуспел. В результате получился весьма посредственный король; он и сам сомневался, вспомнит ли о нем кто-нибудь спустя несколько лет после его смерти. А до смерти оставалось не так уж долго, ведь он был стар и сердце у него пошаливало. Может быть, ему оставался год, может быть, три. Все, кто видел его серое лицо и дрожащие руки, считали, что самое большее лет через пять на широкой площади у подножия Иглы объявят имя нового короля... если, конечно, Бог даст Роланду эти пять лет. И все в королевстве, от богатейших баронов и пышно разодетых придворных до самого бедного холопа и его жены в лохмотьях, думали и толковали о будущем короле — Питере, старшем сыне Роланда.

И лишь один человек думал о другом: как сделать королем младшего сына Роланда, Томаса. Этим человеком был Флегг, королевский чародей.

2

Хотя король Роланд был стар — считалось, что ему семьдесят, но выглядел он куда старше, — у него были молодые сыновья. Он долго не женился потому, что не мог встретить женщину своей мечты, и еще потому, что его мать, великая вдовствующая королева Делейна, казалась бессмертной и ему, и всем в королевстве. Она правила уже пятьдесят лет, когда однажды утром, за чаем, положила в рот ломтик лимона, чтобы унять кашель, мучивший ее целую неделю. И как раз на то чаепитие для увеселения королевы и ее двора был приглашен знаменитый жонглер, который жонглировал пятью хрустальными шарами. Но как только королева положила в рот лимон, жонглер уронил один шар, и тот с громким звоном разбился о пол большого Восточного зала. От неожиданности королева проглотила лимонную дольку, подавилась и тут же умерла. Уже через четыре дня на площади Иглы состоялась коронация Роланда. Жонглер ее не видел; ему еще за три дня до того отрубили голову на плахе неподалеку от Иглы.

Король без наследников не радуется никого, особенно если он стар и лыс. Роланду было необходимо как можно скорее жениться и произвести наследника. Его ближайший советник Флегг все время твердил ему об этом. Он также говорил, что после пятидесяти шансы мужчины сделать ребенка невелики и будут

с каждым годом уменьшаться, и уговаривал короля поскорее найти жену, а не дожидаться женщины его мечты. Если уж она не появилась до пятидесяти лет, говорил Флегг, то скорее всего не появится уже никогда.

Роланд согласился с этим. Он не подозревал, что Флегг, чьи гладкие волосы и бледное лицо почти всегда были скрыты под капюшоном, знает его главную тайну: он никогда не встретил бы женщину своей мечты потому, что никогда и не мечтал о женщинах. По правде говоря, он их боялся. И никогда не мечтал о том занятии, от которого бывают дети, — его он боялся тоже.

Но он понял, что чародей прав, и через шесть месяцев после похорон вдовствующей королевы в королевстве случилось событие куда более радостное — король Роланд женился на Саше, которая потом стала матерью Питера и Томаса.

Роланда в Делейне не очень любили, но и не сказать, чтоб ненавидели. Сашу же любили все. Когда она умерла, рожая второго сына, королевство погрузилось в глубокий траур, продолжавшийся год и еще день. Она была одной из шестерых девушек, которых Флегг предложил на выбор королю. Все они были одного возраста и положения; все из благородных семей, но не королевской крови; все красивы, добры и кротки. Флегга больше всего заботило то, чтобы никто из них не смог в будущем потеснить его с места королевского советника. Роланд выбрал Сашу потому, что она показалась ему самой доброй и кроткой из шестерых и меньше других пугала его. Так они поженились. Саше из Западного феода (очень маленького) было тогда семнадцать, на тридцать три года меньше, чем ее мужу. До брачной ночи она

никогда не видела мужчину без одежды. Когда это случилось, она спросила с интересом, глядя на его восставшую плоть:

— Что это, мой супруг?

Если бы она спросила что-нибудь другое или задала свой вопрос другим тоном, события той ночи, как и вся наша история, могли обернуться иначе; несмотря на специальное питье, которое Флегг дал ему часом раньше, Роланд мог просто сбежать. Но в тот момент он увидел ее такой, какой она и была — молодой девушкой, еще меньше его знавшей о том, как делаются дети, — и увидел, как она хороша, и полюбил ее, как потом ее полюбил весь Делейн.

— Это Королевская Сталь, — ответил он.

— Оно не похоже на сталь, — с сомнением говорила Саша.

— Его надо закалить, — сказал он.

— И где же это сделать? — спросила она.

— Если ты доверишься мне, — сказал Роланд, ложась к ней, — я покажу тебе, где его закалить, ибо ты принесла это с собой, сама того не зная.

3

Люди Делейна любили ее за доброту. Ведь это королева Саша основала Великую Лечебницу. Королева Саша так плакала, увидев медвежью травлю на площади, что король Роланд запретил эту жестокую потеху. Королева Саша вымолила у короля отмену налогов в год большой засухи, когда пожелтели даже листья Великого Древнего Дуба. Был ли Флегг недоволен этим, спросите вы? Сначала не слишком. Ему

это казалось мелочами, ведь он был настоящим чародеем и жил многие сотни лет.

Он позволил даже отменить налоги, поскольку годом раньше флот Делейна разгромил андуанских пиратов, которые больше ста лет разоряли южный берег. Череп пиратского короля еще долго скалился с шеста на дворцовой стене, а сокровищница королевства пополнилась богатствами, отбитыми в бою. К тому же Флегг оставался ближайшим советником короля Роланда, а это для него было самым главным.

4

Хотя Роланд и полюбил свою жену, он так и не полюбил то занятие, которое так нравится большинству мужчин и от которого появляются на свет и последний поваренок, и наследник королевского трона. Они с Сашей спали в разных спальнях, и он посещал ее не часто — раз шесть-семь в год. Да и в эти разы Королевская Сталь не требовала закалки, несмотря на все более сильные зелья, которые давал королю Флегг.

Но через четыре года брака все же появился Питер. И в ту ночь Роланду даже не понадобилось пить Флегга — зеленое, пенистое и оставлявшее в голове короля странное ощущение, будто он сходит с ума. В тот день он с дюжиной своих людей охотился в Королевском заповеднике. Охоту Роланд любил больше всего — запах леса, трубный звук рога и дрожание тетивы, когда она отпускает летящую точно в цель стрелу. Порох в Делейне был редкостью, и охота с железной трубкой считалась низким занятием.

Саша читала в постели, когда он вошел. Его грубое бородатое лицо сияло. Она отложила книгу и терпеливо выслушала историю, которую он ей рассказал, размахивая руками. Когда в конце он показал, как поднял лук и пустил Грозу Врагов, великую стрелу своего отца, она засмеялась, и захлопала в ладоши, и окончательно покорила его сердце.

Королевский заповедник был уже не тот. Во времена короля Роланда там редко удавалось загнать стóящего оленя, а уж драконов не видели с незапамятных времен. Большинство людей посмеялись бы, если бы им сказали, что в этом хорошо знакомом им лесу еще водятся мифические создания. Но в тот предзакатный час, когда Роланд и его свита уже собирались возвращаться...

Дракон с треском выбрался из подлеска. Его медно-зеленая чешуя тускло отсвечивала в последних лучах солнца; опаленные ноздри выпускали струйки дыма. Дракон был уже немолод, в возрасте первой линьки. Увидев его, охотники застыли, как громом пораженные, не в силах поднять лук и даже просто пошевелиться.

Он смотрел на них, его обычно зеленые глаза пожелтели, а огромные крылья мерно трепетали. Он не мог улететь — крылья еще не выросли в полную силу, до этого ему оставалось по меньшей мере пятьдесят лет и две линьки, — но даже от этого трепета передний всадник вылетел из седла и шлепнулся на траву, выронив рог.

Роланд единственный не поддался общему оцепенению и, хотя он из скромности не сказал этого Саше, проявил в следующие несколько мгновений настоящий героизм. Если бы не его быстрая реакция, дракон мог бы зажарить весь их отряд живьем. Он

направил стрелу и отпустил тетиву. Стрела угодила прямо в цель — в то мягкое, похожее на жабры место под глоткой дракона, куда поступает воздух, раздувающий огонь. Ящер рухнул замертво, испустив последний тяжкий выдох, опаливший все кусты вокруг. Охотники быстро погасили пламя — кто водой, кто пивом, а многие собственной мочой, которая тоже по большей части была пивом, потому что когда Роланд выезжал на охоту, он брал с собой много пива и не жалел его.

Огонь погасили за пять минут, а дракон издох за пятнадцать. В это время у его ноздрей еще можно было вскипятить чайник. Потом ему взрезали грудь и торжественно поднесли Роланду дрожащее девятикамерное сердце. Он съел его сырым, как было положено, и нашел довольно вкусным. Он жалел лишь о том, что второго ему уже никогда не удастся отведать.

Может, это драконье сердце сделало его таким сильным в ту ночь. А может, просто радость и сознание, что он проявил отвагу и хладнокровие, когда остальные застыли в седлах (конечно, кроме переднего всадника, который застыл на земле). Во всяком случае, когда Саша всплеснула руками и воскликнула:

— Как здорово, мой храбрый король! — он, не колеблясь, лег к ней, и она встретила мужа улыбкой; в ее широко раскрытых глазах сияла его победа. В ту ночь он первый и единственный раз в полной мере наслаждался объятиями своей жены. Девять месяцев спустя — по одному на каждую камеру драконьего сердца — на той же кровати родился Питер, и все вздохнули с облегчением. Теперь у короля был наследник.

5

Может быть, вы думаете — если вы вообще об этом думаете, — что король после рождения Питера перестал принимать зелье, которое давал ему Флегг? Вовсе нет. Иногда он пил его, потому что любил Сашу и хотел доставить ей удовольствие. Кое-где считается, что секс нравится лишь мужчинам, а женщины только и мечтают, чтобы их оставили в покое. Но в Делейне люди знали: и женщины получают удовольствие от утех, благодаря которым на свет появляются дети. Роланд знал, что доставляет жене мало таких радостей, но старался, как мог, и поэтому пил зелье Флегга. Только чародей знал, как редко король посещает постель королевы.

Через четыре года после рождения Питера, под Новый год, на Делейн обрушилась снежная буря, самая сильная из всех известных, кроме одной, — о той я расскажу вам после.

Повинуясь внезапному чувству, которое он сам не мог объяснить, Флегг в тот вечер дал королю питье двойной крепости — может, что-то в воздухе и в вое ветра побудило его сделать это. В обычное время Роланд мог бы скривиться и отставить стакан прочь, но бушевавшая за окном буря сделала новогодний пир еще более веселым, и король много выпил. Пляшущий огонь в камине напомнил ему дыхание дракона, и он поднял стакан, чокаясь с драконьей головой, висевшей на стене. Потом он одним глотком проглотил зеленую жидкость, и в нем зажглась злая похоть. В ту ночь он, хоть и любил Сашу, сделал ей больно.

- Прощу тебя, мой король! — умоляла она, рыдая.
- Прости, — пробормотал он и захрапел.

Он уснул рядом с ней тяжелым сном и не мог проснуться двадцать часов. Она не могла забыть странный запах у него изо рта той ночью. Пахло чем-то гнилым; пахло смертью. Она думала, что он такого съел... или выпил?

Роланд никогда больше не прикасался к зелью Флегга, но чародей был доволен. Через девять месяцев Саша родила Томаса, своего второго сына. При родах она умерла. Все в Делейне жалели ее, но никто особенно не удивлялся — ведь такое случается. Но никто не знал, что произошло на самом деле, — никто, кроме Анны Криволицей, повитухи, и Флегга, королевского чародея. Так уж случилось, что терпение Флегга иссякло.

6

Питеру было только пять лет, когда умерла его мать, но он хорошо помнил ее. Помнил доброй, любящей, полной ласки. Но пять лет — не так много, и большинство воспоминаний было не очень четким. Хорошо он помнил лишь одно: как мать сделала ему внушение. Он помнил об этом много лет спустя. Внушение касалось салфетки.

Каждый год при дворе устраивали пир, чтобы отметить начало весеннего сева. Когда Питеру исполнилось пять, его впервые позвали на этот пир. Обычай требовал, чтобы Роланд сидел во главе стола, наследник — по правую его руку, а королева — напротив. Из-за этого она не могла подойти к Питеру, и ей оставалось только следить за тем, как он себя ведет. Ей хотелось, чтобы ее сын выглядел прилично, и она знала, что во время пира это зависит только от